

Палата Онмё, ведавшая гаданиями, астрономией, временем и составлением календарей, занимала особое место в иерархии государственных учреждений. Помимо прочего, на её высших чиновниках лежала суровая обязанность — бок о бок с воинами Хэйан-кё охранять покой и порядок в Хэйан-кё. Но если административное устройство ведомства мало чем отличалось от других, то его учебное крыло считалось уникальным.

В отличие от сугубо сословных казённых заведений древней столицы, Палата Онмё была одним из крайне редких мест, куда позволялось поступать простолюдинам. Мало кто знал истинную причину подобного великодушия: все без исключения юноши низкого звания, удостоивавшиеся приглашения, обладали врождённым талантом к магии. Обуздав и развив свою духовную силу, эти безродные ученики со временем должны были пополнить ряды младших онмёдзи.

Узнав об этом, Гу Хунсюань едва не запрыгал от восторга. Перед ним открывался законный и почётный путь к тайным знаниям! А главное — теперь он наконец-то сможет понять, как совладать с этой непостижимой духовной силой.

Правда, ликование быстро сменилось лёгкой растерянностью. Одно дело — грезить о недостижимых прежде высотах, и совсем другое — явиться в грозную палату, толком не понимая, что его там ждёт. Хунсюаня невольно грызла тревога.

Зато его окружение прямо-таки бурлило от возбуждения. Люди в эту эпоху были бесхитростнее и щедрее своих потомков из будущего. Добродушные соседи шумно и радостно устроили Хунсюаню праздничный ужин — пускай и состоял тот из самой простой, грубой крестьянской стряпни. А стоило сумеркам сгуститься, парня бесцеремонно уволокли к колодцу. Окотив ледяной водой, дюжие мужики принялись драить его с такой яростью, будто намерились содрать три шкуры. Зато смыли и дорожную пыль, и застарелый пот.

Сам Хунсюань, конечно, всей душой радовался возможности наконец-то помыться, но... не столь же варварским способом! Всё тело горело так, будто по нему прошлись наждаком. Даже бёдра и куда более деликатные места оказались растёрты до пунцовой красноты, из-за чего ночью он ворочался с боку на бок, не зная, как улечься, чтобы унять ноющую боль.

Лишь когда взбудораженные соседи разошлись по домам, Хунсюань, измученный и донельзя затисканный, уполз в свою лачугу.

Только теперь при слабом лунном свете он заметил, что к двери приколотен какой-то свиток — по всей видимости, официальное извещение. Иероглифы на дешёвой бумаге были выведены столь размашисто и причудливо, что парень не сумел разобрать ни слова, даже несмотря на предустановленный системой языковой пакет.

Прижав бумагу камнем, чтобы не улетела, он улёгся прямо на пол. Мысли металась между любопытством и страхом, но дневная усталость вкупе с беспощадной колодезной баней взяли

свое. Стоило голове коснуться досок, как он провалился в глубокий сон. Ни жёсткий деревянный настил, ни отсутствие циновки не помешали ему проспать без задних ног до самого рассвета.

На следующий день предрассветную тишину разорвал оглушительный грохот — толпа соседей буквально ворвалась в хижину. Перепуганный Хунсюань подскочил на месте. Первая мысль была об опасности: посреди его нищей конуры всё ещё стояли три диковинных ящика со снаряжением, полученные от игровой системы, которые он попросту не успел спрятать.

Однако, к его изумлению, никто из вломившихся даже взглядом не зацепился за сундуки. Люди сновали мимо, будто ящиков вовсе не существовало, а перед их глазами по-прежнему была лишь голая, пустая комната.

— Вставай, ну же, подымайся! Сегодня твой великий день, пора в Палату Онмё! — затараторила одна из прибежавших женщин, бесцеремонно стаскивая его с пола. — Живее умывайся! Одежку твою мы вчера постирали. Сыровата малёк, да ничего, на ходу высохнет. Натягивай давай!

Не успев толком прийти в себя, Хунсюань оказался облачён в липкую, холодную ткань. Ему плеснули в лицо ледяной водой из ковша, сунули в руки тёплый колобок риса, а обуться он и вовсе не успел — его уже тащили во двор. От утренней прохлады парня пробрала крупная дрожь.

— М-мы что, прямо сейчас идём? — заикаясь, спросил он.

Благодаря встроенному системному интерфейсу Хунсюань видел время: стрелки едва перевалили за три часа утра. Три часа ночи, ради всего святого!

— А как же! Палата Онмё-то в самом Дайдайри находится, — усмехнулся один из стоявших рядом мужиков. — Пока пешком дотопаем, как раз рассветёт. Путь неблизкий.

Что это за зверь такой — Дайдайри, Хунсюань понятия не имел, но выдавать своего невежества не стал. Он лишь послушно кивнул с самым деловым видом:

— Да, конечно. Только... можно мне сначала надеть сандалии?

— И то верно! В такое место негоже босиком являться, — согласились соседи, которые сами испокон веков ходили босыми. — Ступай обуйся. Да грамоту прихватить не забудь, что вчера господа онмёдзи оставили!

— Сейчас, — вздохнул Хунсюань и вернулся в хижину.

Вчерашнее исподнее, отнятое у него заботливыми бабами, бесследно сгинуло в недрах их

стирки. Поискав взглядом и ничего не найдя, он махнул рукой, вызвал интерфейс системного гардероба, достал новые чистые штаны и ладные плетёные варадзи. Быстро переобувшись, Хунсюань бережно спрятал за пазуху заветный свиток и вышел к терпеливо ждущей толпе.

Лачуга юноши ютилась на самой окраине Левого города, Сакё, почти у городской стены — иначе он не добирался бы так быстро до русла реки Камо. Путь отсюда до императорского дворца занимал добрых пару часов, но заблудиться в Хэйан-кё было трудно: улицы, проложенные по китайскому образцу, пересекались под прямыми углами, образуя безупречную сетку.

Центральные ворота дворца, величественные Судзакумон, были открыты только для знатных вельмож и чиновников высших рангов. Простолюдинам туда путь заказан. Таким безродным беднякам, как Хунсюань и его провожатые, полагалось пользоваться боковыми проходами. Более того, стражники из Саэмонфу устраивали досмотр каждому, кто пытался приблизиться к святой святынь столицы.

К счастью, печать Палаты Онмё творила настоящие чудеса. Суровые гвардейцы прекрасно знали: те, кого призывает к себе таинственное ведомство, пускай и рождены в грязи, нередко обладают силой, способной подчинять духов. Долго задерживать Хунсюаня не стали — после беглого осмотра его беспрепятственно пропустили внутрь.

Лишь миновав ворота Ёмэймон, парень наконец пересёк невидимую черту, отделяющую внешние земли от Дайдайри. Дальше провожатому хода не было. Попрощавшись с добродушным соседом, Хунсюань невольно сжал кулаки. Дорога отняла больше часа, на востоке уже занималась розовая заря, окрашивая черепичные крыши дворцов в нежные тона. Оставшись в одиночестве перед величием императорской резиденции, он почувствовал, как к горлу подкатывает волнение.

Палата Онмё располагалась в престижной части дворцового комплекса, совсем близко к личным покоям императора. Соседство у неё было под стать: с одной стороны высилось Министерство центральных дел, Накацукасаё, а прямо напротив раскинулись парадные дворы Высшего государственного совета, Дайдзёкана. В столь почтенном месте чиновничьи шелка мелькали на каждом шагу.

Несмотря на ранний час, у массивных ворот Палаты Онмё всю кипела жизнь. Младшие ученики, облачённые в простые бурые суикан, прилежно подметали мощёный двор бамбуковыми метлами. Завидев приближающегося Хунсюаня, двое из них замерли. Смерив его взглядом, они, впрочем, не выказали спеси и вполне дружелюбно окликнули его:

— Доброго утра, парень. Ты по какому делу в Палату?

— Д-да, — слегка оробев, Хунсюань полез за пазуху и вытащил свернутую грамоту с тяжёлым оттиском красной печати. — Вот, вчера принесли... Мне велели явиться.

— О, это же!.. — Обычное дежурное дружелюбие слетело с лиц учеников в один миг. Стоило им

скользнуть взглядом по размашистой подписи внизу свитка, как их глаза округлились от изумления. — Немедленно ступай за мной!

— Да, конечно, — Хунсюань торопливо зашагал следом, недоумевая, какая же влиятельная фигура сотворила для него это маленькое чудо и взяла под своё крыло.

<http://bllate.org/book/18244/1748167>